

12. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. М. : Изд-во МГУ, 1990.

13. Колобаева Л.А. Русский символизм. М. : Изд-во МГУ, 2000.

14. Лавров А.В. «Сантиментальные стихи» Владислава Ходасевича и Андрея Белого // Андрей Белый. Разыскания и этюды / А.В. Лавров. М. : НЛЮ, 2007.

15. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Избранные статьи. Таллинн : Александра, 1992.

16. Мазаева О.Г. К вопросу о ракурсе рассмотрения А. Белого Ф. А. Степуном // Вестн. Том. гос. ун-та, 2008. №1(2).

17. Рейнтблат А. Нравственные мотивации биографа // Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса : сб. М., 2004.

18. Розенблюм О. Каналы опыта и структура переживаний в «нормативной биографии» // 5-е чтения памяти В. Иофе. Право на имя. Биография 20-го в. Эпоха и личность: ракурсы понимания : сб. СПб., 2007.

19. Смирнов А. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977.

20. Степун Ф.А. Памяти Андрея Белого // Встречи / Ф. Степун. 2-е изд. Нью-Йорк : Т-во зарубеж. писателей, 1968.

21. Флоренский П.А. Сочинения. М. : Правда, 1990. Т.2.

22. Ходасевич В.Ф. Державин. М. : Книга, 1988.

23. Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: избранное. М. : Сов. писатель, 1991.

24. Хьюз Р. Белый и Ходасевич: к истории отношений // Вестн. Русского христианского движения. 1987. № 151.

25. Черкасов В.А. Державин и его современники глазами Ходасевича : моногр. Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2009.

Parameters of personality conception of Andrei Bely in the comprehension of V.F.Khodasevich

There are given the main propositions of the personality conception of Andrei Bely in the constructs of V.F.Khodasevich. As the basis of his conceptual position in A.Bely's personal assessments, there is put the original methodical principle, marked as "empathic", i.e. supposing the maximum approaching of the existential experience of the biographer's position and the investigated writer.

Key words: *A.Bely, V.Khodasevich, symbolism, the Silver Age.*

Д.Ш. ХАННАНОВА
(Исков)

РОЛЬ МОТИВА ЕДЫ ПРИ РАСКРЫТИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЕ/ЧУЖОЕ» В ЛИРИКЕ В.В. МАЯКОВСКОГО 20-х годов

Представлена часть исследования, направленного на выявление особенностей мифопоэтической картины мира В.В. Маяковского. Рассмотрение развития мотива еды высвечивает своеобразие вертикальной и горизонтальной мифологических моделей в лирике поэта.

Ключевые слова: *мифологическая модель мира, «свой» мир, «чужой» мир, мотив еды, мотивный комплекс «обжорство (людоедство)/голод», мотив наказания за неводержанность в еде, мотив несъедобной пищи.*

«Поэтическая мифология» Маяковского, лежащая в основе «единства и неделимости» его художественного мира [6, с. 144–145], совмещает в себе вертикальную и горизонтальную мифологические модели. В ранней лирике поэта находит отражение система двоичных противопоставлений «верх / низ» или «земля / небо» («подземное царство / небо») в рамках вертикальной модели. Если в дооктябрьском творчестве Маяковского все окружающее (природа, город, толпа) осознается лирическим героем как враждебное, чуждое, то в 1920-е гг. в пределах горизонтальной модели мироздания представление о враждебности переносится на область политических и социальных отношений и проявляется через оппозицию «свое / чужое». Под «своим» теперь понимается Советская Россия, расположенная в центре мироздания, включая ее население – рабочих и крестьян («Стихи о советском паспорте», «Город и деревня одной и той же коммуны равные части»). Природа выступает в поздней лирике как органическая часть благоустроенного и непрерывно развивающегося «своего» мира. Возникает образ земли, которая воспринимается как общий дом советских людей, их родное гнездо [3, с. 48]; солнце отождествляется со счастливой жизнью будущих поколений. В то же время положение молодого государства уяз-

вимо: оно вынуждено противостоять многочисленным внутренним и внешним врагам, составляющим «чужой» мир. Настойчивую мысль о постоянной угрозе вторжения извне усиливают мотивы настороженности; боевой изготровки («Осторожный марш», «Призыв», «Непобедимое оружие»).

Появление образа врага обусловлено развитием представлений поэта о «чуждости» социального мира в стихотворениях 1910-х гг. Позиция «мы» по отношению к врагам является продолжением конфликта между героем и толпой, что предопределено ментальными установками поэта, связанными с внешним миром и людьми. Наиболее ожесточенную форму конфликт поэта и социума приобретает в стихотворении «Вот так я сделался собакой» (1915), где мотив социального отчуждения реализуется как мотив отчуждения от собственного Я, утраты привычного телесного, социального облика [7, с. 190].

На родство тем толпы и образа врага указывает ряд общих характеристик (любовь к комфорту, безликость, цинизм и др.), связанных с реализацией мотивов еды, смеха, похоти. При этом именно мотив еды приобретает особое значение при дифференциации «своего» и «чужого» в послереволюционной лирике поэта. В архаическом (мифологическом, религиозном) представлении поглощение пищи – это непосредственный контакт с миром. Поедающий и поедаемый становятся одним целым, что находит воплощение в мотивах воскресения, торжества жизни над смертью [1, с. 166–167]. Следует упомянуть и древний мотив молочных рек и кисельных берегов: иной мир рисуется как страна изобилия пищи. Представления о неисчерпаемом изобилии, расположенном в ином царстве, сохраняются и в сказочной традиции [5, с. 251–252]. Между тем обжорство осознается как низменное качество уже на уровне мифологического мышления [3, с. 188]. В сказке мотив кисельных берегов часто связан с комическим возвеличением лентяев, предполагающим определенное снижение [5, с. 252].

Анализ стихотворений Маяковского показывает, что обилие и многообразие кушаний, намекающие на сытость, пресыщенность и чревоугодие, обычно вызывают раздражение автора. В стихотворении «Вам!» (1915) заострению оппозиции «никчемная трата жизни / насильственная смерть» служат определения *бездарные, многие*; грубая просторечная лексика (*нажраться, выдра-*

ло). Обилие «пищевой» лексики, в том числе названий кушаний (*бифштексы, бульоны, ростбиф*), в сатиричном «Гимне обеду» сводит жизнедеятельность «обедающих» к удовлетворению колоссального аппетита и работе пищеварительных органов.

В процессе поглощения пищи наиболее отталкивающими представляются поэту такие детали внешнего облика обедающего или только что поевшего, как борода (усы) или губы (реже – лицо вообще), испачканные пищей. В «Нате!» (1913) снижающей характеристикой мужчины становится *в усах капуста где-то недокушанных, недоеденных щей*; в «Вам!» – *измазанная в котлете губа* (особенно омерзительная в контексте с *израненным поручиком*); в «Кое-что по поводу дирижера» (1915) – *толстая семга в бороде и щека в соусе*. Гурманству Маяковский стремится противопоставить умеренность в соответствии с представлением о неоплатном долге общества перед неимущими, сформированным под влиянием классовой идеологии и религиозного аскетизма.

Оппозиция «голод / обжорство (людоедство)» служит для разграничения «своего» (нищих, нуждающихся) и «чужого» («сытых», «жирных») миров еще в ранних стихотворениях. Так, в стихотворении «К ответу!» (1917) тему войны развивают взаимосвязанные мотивы голода и истребления людьми друг друга, практически переходящего в каннибализм: *Дрожит земля/ голодна, / раздета. // Выпарили человечество кровавой баней/ только для того, / чтоб кто-то/ где-то/ разжился Албанией*. В 1920-е гг. данный мотивный комплекс становится индикатором для выявления «своего», относящегося к советской стране («мы»), и «чужого», представленного капиталистическими странами или осколками «старого мира» («они»). В ряде стихотворений, построенных на переосмыслении сказочной традиции, влияние которой может обнаруживаться в композиции, подборе персонажей, жанровом обозначении, вынесенном в название, мотив еды служит дополнительной характеристикой пространства «своего» и «чужого» миров. Например, в «Сказке о дезертире» (1920) «старый мир» предстает как слитная, нерасчлененная масса, основными функциями которой выступают истязание и грабительство. Мотив обжорства характеризует виновного в «воскрешении» *живоглотов* крестьянина Силеверста, мечтающего о возможности *галушки лопать тыщами*. Однако его выпадение из «своего» мира не озна-

чает принадлежности «чужому»: за предательство общих интересов его ждет суровая расправа. Функцию разграничения «своего» и «чужого» миров мотив еды выполняет и в «Рассказе про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума» (1920), где путешествие бабы в «чужой» мир (к белым) соотносится с основными композиционными элементами волшебной сказки [5, с. 5–6].

В статье «Новый разгромим по миру миф...» С. Семенова убедительно показывает, что обыватель в лирике Маяковского отождествляется с определенной нравственной позицией. Он заиклен на комфорте, покое, сытости, т. е. на своей «не-совершенной, низменно-животной природе» [6, с. 167]. Пассивный образ жизни, подчиненный удовлетворению низших потребностей в ущерб жизни души, диктует преобладание мотива еды вообще, а в частности – неумеренности в еде, обжорства. В этом смысле показательны стихотворения «Две культуры» и «“Общее” и “мое”» (1928), которые объединяет образ «обобранной», «обруганной» кухарки и мотивы обжорства, сытости, праздности и грубого гневного окрика, позволяющие увидеть сходство пороков «старого» и «нового» быта: *Мадам, / как горилла, / орет, / от гнева розовая: / «Снова / суп переварила, / некультурное рыло, / дура стоеросовая!»* («Две культуры»); ср. «“Общее” и “мое”»: *Орет кухарке, / разъярясь, / супом/ усом/ капая: / «Не суп, а квас, / который раз, / пермячка сиволапая!..»*.

Устойчивость мотив еды приобретает и при изображении других врагов: буржуев, кулаков, белых (для последних актуален и мотив людоедства): *Обедающие не успели окончить обед...; Напрасно пухлые руки взмолены...* («Потрясающие факты» (1919)); *всех по очереди словит Деникин, / всех сожрет генеральский рот* («Рабочий! Глупость беспартийную выкинь!..» (1920)). В стихотворении «Всем Титам и Власам РСФСР» (1920) мотив еды подкрепленходящей до самоуничтожения жадностью зажиточного крестьянина. Возникающий здесь мотив наказания за невоздержанность в еде и нежелание помочь умирающим с голоду предполагает большое разнообразие проявлений.

1. Голодная смерть «сытых». В «Моей речи на Генуэзской конференции» (1922) в ряду преступлений европейских политиков не последнее место занимает *голодный ад, мужицкое разорение* как следствие войны:

Пусть / кладбищами голодной смерти / каждый из вас протащится сам!

2. Акт каннибализма над «сытыми»: *Будьте прокляты! / Пусть за вашей головою венчанной / из колоний / дикари придут, / питаемые человечиною!* («Сволочи!» (1922)).

3. Мотив несъедобной, вредной пищи: *Будьте прокляты! / Пусть будет так, / чтобы каждый проглоченный/ глоток/ желудок жег! // Чтоб ножницами оборачивался бифштекс сочный, / вспарывая стенки кишок!* («Сволочи!» (1922)).

Отметим, что в мифологическом сознании употребление человеческого мяса повсеместно занимает низшее место в иерархии пищевых режимов, тяготея к докультурной области мифопоэтической модели мира [4, с. 619–620]. Следовательно, восприятие акта поедания себе подобных у различных народов определило формирование концепта «чужой». В лирике Маяковского «чужие» также сопоставимы с чудовищами, каннибалами. Например, при изображении польских интервентов мотив обжорства / людоедства связывается с мотивом экспансии, разграбления населения и осуществления над ним насилия («История про бублики и про бабу, не признающую республики» (1921)): *Видит пан: бела, жирна/ баба между публики. // Миг – и съедена она, / и она, и бублики.*

С достаточной регулярностью мотивы обжорства / людоедства выступают в одном контексте с мотивом голода. Так, в стихотворении «Два Новых года» (1920) взаимосвязь золотого цвета, образа крови, выступающей в роли вина на *волчьем пиру Антанты*, и мотивов роскоши и людоедства представляет резкий контраст голоду и горечи, переполняющим «свой» мир: *Наполнив кровью, / как золото чаши, / о череп/ чокают череп.* В «Рабочих столицы, крестьянах окраины...» приход представителей «старого мира» к власти угрожает голодом, нищетой; последствия их разрушительных действий разрастаются до масштабов космической катастрофы (утрата света, воды, тепла).

Как видим, мотив обжорства характеризует жизнедеятельность всех врагов в целом и особую значимость приобретает в изображении советских мещан, между тем как мотив людоедства (противопоставленный мотиву голода) получает более узкое контекстуальное значение, возникая обычно наряду с мотивами ожидания угрозы, боевой изготровки, непримиримой борьбы. Посредством данного мотива производится недвусмысленная оценка разрушитель-

ных действий интервентов, «буржуазных» политиков и дипломатов, а также «внутренних» врагов. Очевидно, что низменное, животное обжорство мещан не выглядит таким отталкивающим, как каннибализм белых и интервентов. Сопоставление мотивов людоедства и обжорства позволяет предположить существование определенной «иерархии» врагов, основанной на месте, занимаемом ими в пищевой цепочке.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990.
2. Кормилов С.И., Искрицкая И.Ю. Владимир Маяковский. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Наука, 1976.
4. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. М. : Сов. энцикл., 1980. Т. 1.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2000.
6. Семенова С.Г. «Новый разгромим по миру миф...» // Русская литература и проза 1920–1930-х годов. М. : ИМЛИ РАН : «Наследие», 2001.
7. Смирнов И.П. Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // Миф – фольклор – литература : сб. ст. Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1978.

Role of the meal motive in investigating the opposition your own/somebody else's in the lyrics by V.V.Mayakovsky of the 1920s

There is given the part of the investigation directed at revealing the peculiarities of mythic and poetic world picture of V.V.Mayakovsky. Considering the development of the meal motive highlights the originality of the vertical and horizontal mythological models in the poet's lyrics.

Key words: *mythological world model, "your" world, "somebody else's" world, motive of meal, motive complex gluttony (cannibalism)/hunger, motive of punishment for food intemperance, motive of uneatable food.*

Е.С. БИРЮЧЕВА
(Волгоград)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ И. САЗАНОВА

Представлена реконструкция жизненного и творческого пути донского писателя первой трети XX в. И.Д. Сазанова (1876 – 1933). Проанализированы основные архивные и журнальные источники, по которым восстанавливается биография писателя. Определен круг тем и проблем творчества писателя; намечены дальнейшие направления его исследования.

Ключевые слова: *биография, творчество, источник, републикация, донская литература.*

В литературном процессе первой трети XX в. видное место занимает так называемая «донская» тема. Одним из ее зачинателей был талантливый писатель Иван Дмитриевич Сазанов (1876 – 1933), имя которого изредка упоминается в связи с творчеством классика дореволюционной донской литературы Ф. Крюкова, чьим земляком и соратником он был. В сопроводительной статье к «Переписке между Ф.Д. Крюковым и А.С. Серафимовичем» приведены слова В.Г. Короленко о влиянии личности и таланта Крюкова на других современных писателей, в числе последователей «крюковской» темы в литературе назван Иван Сазанов [8, с. 149].

Произведения И. Сазанова, рассыпанные по старым журнальным публикациям, практически недоступны современному читателю. Сведения о его жизненном и творческом пути крайне скудны. Его имени нет даже в самом полном на сегодняшний день биографическом энциклопедическом словаре «Русские писатели (1800 – 1917)». Между тем писатель, по словам И. Данилова, был «заметной фигурой в русской литературе». Эта оценка содержится во вступительной статье к единственной посмертной републикации в 1994 г. одного из рассказов И. Сазанова в журнале «Отчий край» [7]. К моменту начала нашей работы над реконструкцией творческой биографии писателя было известно лишь местоположение его личного архива. В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова указаны псевдонимы